

Гонина Н.В.

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.В. ХОРИНОЙ
«ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ НАУКА: ГОРОДСКИЕ МУЗЕИ
И НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛА XX В.»**

Gonina N.V.

**THE REVIEW OF V.V. KHORINA'S MONOGRAPH
"PROVINCIAL SCIENCE: THE CITY MUSEUMS AND SCIENTIFIC
ORGANIZATIONS OF THE YENISEI PROVINCE OF THE LAST
QUARTER OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY"**

Хорина В.В. Провинциальная наука: городские музеи и научные общества Енисейской губернии последней четверти XIX – начала XX в. / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2018. – 463 с.

Изучение интеллектуальной истории – одно из самых актуальных направлений в исторической науке и, одновременно, одно из самых сложных. Для работы в данном поле нужно иметь глубокие знания не только по исследуемому материалу, но и по периоду в целом, в том числе в геополитическом масштабе. Также важны знания в области культурологии, социологии и философии, так как методология носит комплексный полидисциплинарный характер, и история здесь служит преимущественно фактологической основой, на базе которой разворачивается теоретический анализ. В то же время интеллектуальная история не может дать результаты без качественного систематизированного исторического знания, опирающегося на материалы, полученные с помощью специальных источниковедческих методов.

Итак, путь к вершине очень долг и сложен, и поэтому важную роль играет как каждый пройденный этап, так и синтез полученных результатов. Заметим также, что Красноярский край остается лакуной в сибирской историографии в плане интеллектуальной истории. Его иногда упоминают в своих трудах новосибирцы и иркутяне, очень редко – томские и омские историки. Но среди красноярских ученых нет специалистов в данной области, хотя труды д.и.н. Веры Ивановны Федоровой очень близко подходят к этому рубежу. Монография Веры Владимировны, достойной ученицы В.И. Федоровой, как раз и представляет собой такую работу [6]. В ней, с одной стороны, обобщены уже имеющиеся знания по научной деятельности в Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв., с другой стороны, к ним добавлен значительный объем опубликованных источников, позволяющих углубить и расширить тему. Моно-

графия выполнена в классической манере красноярской школы исторического краеведения, ведущего начало от С.В. Бахрушина и М.Б. Шейнфельда. На первый план выносятся исторические факты, а также их систематизация и оценка локальных процессов в контексте общегосударственного развития. В основу положена диалектико-материалистическая методология, поэтому главным фактором признаются политические и экономические процессы, а социальная и культурная динамика выступают в качестве их отражения.

Книга Веры Владимировны внушает уважение своим объемом (463 с.), списком источников (702 ед.) и литературы (556 ед.). Очень приятно выполнено оформление. На обложку вынесено здание Красноярского краеведческого музея. Проект архитектора Чернышева и сам феномен краеведческого музея хорошо передают суть эпохи модерна, стремившегося к изучению окружающего мира, систематизации и всемерной популяризации полученного знания. Иногда это выглядело странным, как и египетский храм на берегу сибирской реки. Но, как и достижения цивилизации Египта, эта работа относится к категории непреходящих ценностей.

Автором выбрано хорошее название для книги. Понятие «провинциальная наука» очень продуктивно и позволяет полностью раскрыть суть исторических процессов в данной сфере, где главными факторами были тесная связь с природой, периферийное положение, слабо развитые коммуникации и обусловленный ими информационный голод. Заметим, что в данном случае имеется в виду не социологический аспект понятия «провинциальная наука» (М. Соколов [4]), а социокультурный (Д. Алисов [1]). К сожалению, автор использует это название просто как определение локальности изучаемого материала, не раскрывая весь его потенциал [7, 9].

Монография оформлена в свободном стиле, без характеристики научного аппарата. Поэтому сложно оценить проработку историографии. И тем не менее стоит указать, что библиография достаточно обширна. В ней представлены работы сибирских историков от Иркутска до Томска. К сожалению, не привлечены библиографические труды. В частности М.Б. Шейнфельда, Н.Н. Родигиной [5, 8]. Ограничен список работ общероссийского плана, хотя тема провинции и провинциальной науки в целом и конкретно музеев и исторического краеведения замечательно раскрыта в трудах историков московской школы [2, 3].

Источники объединены по группам, а не по типам и видам, как требует научный подход. Но при этом их группировка отражает развитие мысли автора. Источниковая база работы не нова, однако ее нельзя игнорировать ни одному исследователю. Это значительный объем опубликованных материалов научных сообществ и музеев, публикации их сотрудников в периодической печати. Следует заметить, что периодическая печать в данный период – это наиболее доступный и исследован-

ный, но при этом совершенно неисчерпаемый источник. Пресса очень хорошо отражает состояние общества, его активность, полиморфизм, проблематику, тенденции и приоритеты эпохи. Тем более, что как раз в периодической печати публиковались те люди, деятельность которых изучает автор, и это было одним из вариантов их самообеспечения и самореализации.

Архивные материалы, к сожалению, использованы в меньшей степени, но при этом работа отчетливо высвечивает пустоты, которые необходимо заполнить, привлекая неопубликованные источники. Музейные материалы в исследовании использовались более широко, однако они не всегда внесены в источниковую базу. Так, подробно представлена характеристика деятельности И.Т. Савенкова, в том числе использован его архив в Минусинском музее, но об этом мы можем узнать только из текста работы (с. 19). Вызывает сожаление и фрагментарное использование материалов Красноярского краеведческого музея, хотя именно они в данном контексте требуют изучения в первую очередь. То же самое следует сказать и об архиве А.Л. Яворского, который также оставлен за пределами работы. Не задействовано и обширное эпистолярное наследие исследуемого периода.

Впрочем, это проблема не только данного автора, но и местной исторической науки в целом. Работа историка в архиве традиционно начиналась с делопроизводственной документации и, учитывая объемы, ею же и заканчивалась. Далее привлекались воспоминания и периодическая печать, которые также достаточно объемны. Переписка же использовалась в основном как иллюстративный материал. И этот блок эго-документов в ГАКК остается практически не разработанным.

Из опубликованных источников наибольший объем представляют материалы научных обществ и музеев – 168 позиций. Из этого следует, что именно они составили основную источниковую базу работы, и их обработка и анализ, по сути, представляют основной научный вклад автора.

В категорию «источники» помещены труды Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Так как в работе нет историографического раздела, мы не можем судить, ошибочно это сделал автор или сознательно. Однако было бы интересно представить эти работы действительно как исторический источник, что принесло бы немалую пользу для данного исследования. Но автор никак не показывает ни в тексте, ни в выводах, что данный подход был использован.

Работа содержит три раздела:

1. Характеристика социальной структуры региона;
2. Описание деятельности музеев;
3. Рассказ о научных обществах.

В первой части показан генезис местной интеллигенции (происхождение, уровень, образование, выбор сферы занятости, хобби). Не совсем понятны рассуждения автора об отличиях менталитета сибирской и рос-

сийской (столичной?) интеллигенции (с. 17). Во-первых, из самой работы и массы трудов о декабристах и народниках мы видим, что именно интеллигенция из центра России способствовала зарождению и развитию сибирской интеллигенции. Также мы знаем, что многие сибирские специалисты и ученые получали образование в столичных вузах или за границей. И в местных образовательных центрах – Томске, Иркутске трудились педагоги, получившие образование в Москве и Санкт-Петербурге. Поэтому речь должна, скорее, идти о деятельности и приоритетах, а не о ментальности. Кроме того, само понятие «сибирская» интеллигенция, как и «российская», вряд ли может трактоваться как некая целостность. Возможно, автор в данном случае просто идет за неверно понятыми тезисами Т.В. Грязнухиной и Е.В. Самойловой, на работы которых даны ссылки. Но если это мнение самой исследовательницы, то нужно его обосновывать намного глубже.

Вывод о роли интеллигенции в зарождении местной «большой науки» не вызывает сомнений. Но при этом не показано, что было причиной (или причинами) такой деятельности. Ведь многие образованные люди в рассматриваемый период занимались коммерцией, стремились уехать в столицу или даже за границу. Сознательный выбор жизни в провинции и ее изучения, часто в ущерб карьере и личному благополучию, иногда – с угрозой потери здоровья, – эта ситуация требует вдумчивого объяснения. И очень важно глубоко проработать данный аспект и в тексте, и в выводах.

Нельзя согласиться с утверждением автора, что освоение Северного морского пути могло превратить Сибирь в сырьевую колонию Европы (с. 70). Именно этой логикой пользовались правители и чиновники еще в XVI в., что обрекло Сибирь на замедленное развитие. И если так рассуждать, то нельзя было проводить реформы С.Ю. Витте и строить Транссибирскую магистраль. Напомним также, что без участия иностранного капитала не было бы и масштабной добычи сырья, и развития крупной промышленности.

К сожалению, мало дано информации о женщинах. Среди них только В. Баландина и М. Красноженова привлекли внимание автора. В то же время значительное количество женщин в научной и общественной деятельности – важный маркер времени. Об указанных персонах написано сегодня много, а вот их землячки остаются, к сожалению, в тени. При этом автор ничего нового к нашим знаниям о В. Баландиной не добавляет, хотя использует ее работы и воспоминания. Не показана и ситуация того времени, в которой, не смотря на активный общественный прогресс, женщине было очень трудно реализоваться, а заниматься наукой – практически невозможно. В то же время нужно подчеркнуть, что автор правильно отмечает стремление людей того времени к познанию и преобразованию мира. И хотелось бы, чтобы на местном историческом материале этот тезис был глубже раскрыт и обоснован.

Вера Владимировна, как и многие другие историки, отмечает большое влияние ссыльных революционеров на развитие сибирской науки. В данном случае – народников. Но не раскрывает этот аспект, справедливо считая, что он достаточно полно представлен в трудах В.И. Федоровой и других исследователей.

Очень интересен и важен раздел, посвященный истории музеев. К сожалению, он занимает небольшое место в работе. Хотелось бы рассмотреть возникшую тогда, но актуальную и в наши дни дискуссию о месте и роли музея в общественном, образовательном и научном пространстве и аспекты его реализации в нашем регионе. Автору хорошо удалось описание персоналий создателей музеев и их работников. Собран замечательный материал, содержащий много новых данных про Д. Каргополова и А.Я. Тугаринова, даны подробные очерки, которые, безусловно, являются вкладом автора в разработку проблемы.

Преобладание описательности во второй части работы привело к несогласованности первой и второй частей между собой. Присутствует большое количество смысловых повторов и пересечений между главами, что подчеркивает недостаточный анализ материала. Работники музеев были также и учеными и создателями обществ, все это аспекты одного процесса. Автором не был сформулирован исследовательский вопрос, в результате текст стал неконтролируемо расширяться.

Значимым вкладом В.В. Хориной в научно-исследовательскую работу по истории региона является изучение научной деятельности священнослужителей. История церкви данного периода у нас описана фрагментарно, историки уделяют ей мало внимания. В то же время вторая половина XIX – начало XX в. для духовенства были сложным временем. Происходит быстрая дифференциация сословия, молодежь часто уходит в светскую жизнь. Общество становится более динамичным, мыслящим, читающим и требует от священнослужителя, в свою очередь, глубоких знаний и активной жизненной позиции. Да и сама церковь вынуждена выполнять большое количество нерелигиозных функций – образовательную, просветительскую, исследовательскую и др.

Следует заметить, что автор, уделяя внимание проблемам сословного строя, увлекается и делает ошибки. Развитие научной деятельности – одно из проявлений сословной дифференциации, это верно. Верно и то, что в Енисейской губернии большинство занимавшихся наукой были чиновниками. Но наука сословной быть не может. Поэтому и появилось понятие разночинец, а затем интеллигент. Не важно, купец или священник занимается научным исследованием, если он получает адекватный результат. Другое дело, что сословное состояние могло быть использовано как ресурс в данной ситуации. Обеспеченным детям золотопромышленников было не сложно тратить время и деньги на исследования. А статус чиновника, наоборот, мог активно мешать научной работе. Автор об этом пишет, но не раскрывает всю суть ситуации, где главное бы-

ло в том, что научная деятельность являлась личной, а не коммерческой или государственной потребностью.

Хорошо раскрыта автором тема различных научных сообществ. Они представлены достаточно объемно, это самый большой раздел монографии. Наряду с хорошо изученными объединениями, Вера Владимировна рассматривает и те, которые не удостоились внимания историков ранее.

Очень интересен и важен в контексте изучения истории аграрной науки акцент на исследованиях в области сельского хозяйства. Подробно рассмотрена деятельность Красноярского отдела Императорского московского общества сельского хозяйства и Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли. Вера Владимировна одна из первых подробно рассмотрела эти организации. Удивительно, но ранее мало кто из исследователей обращался к их отчетам. Хорошо обоснован вывод автора о большом значении данного направления научной и опытнической работы для развития сельского хозяйства в регионе: статистика, акклиматизация сортов, техника, мелкий кредит, распространение специальной литературы и т. д. Автор отмечает, что обществам не удалось наладить связь с местным населением, не хватало финансирования и самое главное – специалистов. И закономерно, что мысль об открытии в Красноярске сельскохозяйственной академии возникла уже в начале XX в. (с. 261). Указано здесь и то, что проблемы низкой аграрной культуры были характерны для страны в целом.

Вызывает интерес обращение автора к истории ВСОРГО, особенно важна деятельность Красноярского подотдела. Именно его члены проводили наиболее масштабную исследовательскую работу в Енисейской губернии и подготовили большое количество материалов. Особенно привлекает внимание этнографическая и гидрографическая работа. Был проведен ряд экспедиций и собраны обширные материалы, которые и сейчас занимают видное место в коллекциях наших музеев. Однако тема разработана недостаточно.

Опять же хотелось бы поднять вопрос о статусе отделений РГО и Московского археологического общества. Эти организации имели достаточно разветвленную сеть отделений, единые уставы и программы, рассылали указания о сборе данных и проводили их экспертизу, вели издательскую деятельность. Инициатива и финансирование носили централизованный характер. Была и прямая поддержка центральных органов управления. Можно ли в таком случае считать отделения местными общественными организациями? Насколько свободны и самостоятельны были сибирские исследователи – члены ВСОРГО? Или это был просто еще один способ заработать деньги интеллектуальным трудом, как и участие в газетных публикациях?

Важно также обратить внимание на общие процессы развития научно-исследовательской работы в стране и мире. Насколько уникальна ситуация в нашем регионе? Необходимо применение системного и

сравнительного методов с целью получения представления об общем и особенном в изучаемых процессах.

Нельзя не согласиться с выводом автора (правда, также не новым), что местные ученые заложили основы модернизации и индустриализации в Сибири. Однако не сказано, что их труды актуальны и сегодня. Не сказано и то, что многие жители нашего региона, уехавшие в центр, стали известными учеными и крупными специалистами (Баландин, Прасолов, Кандалов и др.). И они поддерживали связи со своей малой родиной. В том числе оказывали научную, методическую, техническую и финансовую помощь.

Региональный материал в целом удачно введен в контекст общеисторических процессов. Показана специфика региона, выявлены факторы, определявшие развитие научно-исследовательской деятельности.

Значительное место в работе занимают приложения (36 с.), в них систематизированы данные по развитию музеев: количество экспонатов, численность сотрудников, сообществ. Приведен список из 324 публикаций краеведов. К сожалению, в приложения не вынесены биографии малоизученных, но значимых деятелей науки.

Таким образом, на базе данной монографии открывается большой простор для работы последующих исследователей в плане интеллектуальной истории, что особенно важно в плане включения материалов Енисейской губернии в общесибирский и общероссийский контекст.

Литература

1. Алисов Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв. – Омск, 2001.
2. Мохначева М.П. Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия. – URL: www.newlocalhistory.com/node/989.
3. Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. / авт.-сост. Е.А. Воронцова. – М., 2015.
4. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука. – URL: eu.spb.ru/images/pnis/SOKOLOV_TITAEV_FINAL.pdf (дата обращения: 06.07.2018).
5. Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: аннотированный библиографический указатель: в 2 т. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014.
6. Хорина В.В. Провинциальная наука: городские музеи и научные общества Енисейской губернии последней четверти XIX – начала XX в. – Красноярск, 2018.
7. Цыганова Я.М. Российская провинция пореформенной эпохи как историко-культурное пространство: подходы к изучению. – URL: cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-provintsiya-poreformennoy-epohi-kak

istorikokulturnoe-prostranstvo-podhody-k-izucheniyu (дата обращения: 22.05.2018).

8. *Шейнфельд М.Б.* Историография Сибири: конец XIX – начало XX в. – Красноярск, 1973.

9. *Шилова О.Н.* Повседневная жизнь провинциального города: к историографии вопроса. – URL: cyberleninka.ru/article/n/povsednevnyaya-zhizn-provintsialnogo-goroda-k-istoriografii-voprosa (дата обращения: 22.05.2018).

Literatura

1. *Alisov D.A.* Kul'tura gorodov Srednego Priirtysh'ya v XIX – nachale XX vv. – Omsk, 2001.
2. *Mohnacheva M.P.* Provincial'naya istoriografiya i istoricheskoe kraevedenie: predmetnye polya i disciplinarnye polnomochiya. – URL: www.newlocalhistory.com/node/989.
3. Rol' muzeev v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sb. st. / avt.-sost. E.A. Voroncova. – M., 2015.
4. *Sokolov M., Titaev K.* Provincial'naya i tuzemnaya nauka. – URL: eu.spb.ru/images/pnis/SOKOLOV_TITAEV_FINAL.pdf (дата обращения: 06.07.2018).
5. Tema Sibiri v russkoj zhurnal'noj presse vtoroj poloviny XIX – nachala HKH v.: annotirovannyj bibliograficheskij ukazatel': v 2 t. – Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2014.
6. *Horina V.V.* Provincial'naya nauka: gorodskie muzei i nauchnye obshchestva Enisejskoj gubernii poslednej chetverti XIX – nachala HKH v. – Krasnoyarsk, 2018.
7. *Cyganova Ya.M.* Rossiyskaya provinciya poreformennoj epohi kak istoriko-kul'turnoe prostranstvo: podhody k izucheniyu. – URL: cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-provintsiya-poreformennoy-epohi-kak-istoriko-kulturnoe-prostranstvo-podhody-k-izucheniyu (дата обращения: 22.05.2018).
8. *Шейнфельд М.Б.* Историография Сибири: конец XIX – начало HKH v. – Красноярск, 1973.
9. *Shilova O.N.* Povsednevnyaya zhizn' provincial'nogo goroda: k istoriografii voprosa. – URL: cyberleninka.ru/article/n/povsednevnyaya-zhizn-provintsialnogo-goroda-k-istoriografii-voprosa (дата обращения: 22.05.2018).

